

Мухожук художественный

Дядюшка Фугенбрухус навсегда остался таким в моей памяти тем самым бесподобным насекомым, один внешний вид которого у всех достоверно вызывал поровну чувства оторопи и восхищения. Он сидел на своем бамбуковом кресле-качалке, курил нидерландский хмель и слушал на патефоне записи стрекотания сверчков. Его мечтательная возвышенность души и благородного ума мухожука иногда заклинивали в переплетении своего единства настолько, что дядюшка впадал в блаженный в ступор, где мог пребывать в полубессознательном состоянии зимнего анабиоза долгие месяцы и даже годы в вяло вожделеющем ожидании некоего фактора, который бы мог его потревожить, пробудить и вывести из стёртых границ состояния ожидания, в котором он видел чудесные сны и проживал не менее чудесные жизни за запредельными гранями сущего, составлял многотомники тайных манускриптов и клинописные таблички, слагавшиеся в своём порядке в целые картины, исполненные смысла через содержащийся в этих картинах текст, самое сердце которого было явлено в сути изображения, открывавшегося в дальних полётах каждому из визионеров, прельстившихся отрадными кущами астральной обители путешествующего между цельными вселенными Фугенбрухуса.

Именно в таком состоянии оцепенения я его и застал недвижимого в художественной лаборатории, которую дядюшка держал у себя дома. Как сейчас помню: я пришёл к нему расспросить о житие во времена прошлые и давнуы-дано почти всем позабытые. Никто точно не знает, сколько дядюшке Фугенбрухусу лет, да и он сам, похоже, уже в упор не помнит своего возраста, даже если чертовски крепко пытается вспомнить. Что поделаешь - на старости лет склероз ведь, как известно, случается даже у жуков, тем более - у древних, первородных, которые были бы способны помнить ещё, как жилось в камменноугольный период, если бы жили в те времена на Земле, а не пришли много позднее из своих собственных измерений и пластов бытия.

Ещё он однажды признался, что собственное имя ему просто чертовски не подходит, однако традиции инсектоидов не позволяют ничего менять в заложенной с рождения первозданности личности, а в особенности - связанное с именем, ведь заложенное подобно жёлудю, что прорастая должен обратиться в дерево могучее и крепкое, а уж никак не в травинку, белку или моллюска, чем чреваты могут быть любые

эксперименты над самим собой. Потому-то всякое средь прочего, что было закреплено некогда во времена пребывания в личиночной форме у расы насекомых, вечно, незыблемо, истинно и незименно, и я даже начинаю склоняться ко мнению, что, вполне возможно, эти крепко сложенные насекомые-амбалы с хрустальными плёночками крылышек по-своему правы, ведь заложенная личиночная основа их первозданности становится стартовой единицей для процесса эволюционирования всех последующих поколений насекомых в вечном полёте прыжка в недостижимую бесформенность жука-идеала, жука-пропрока, жука - примера для всех ребят, конечно же, включающего в свой состав и немалую частицу истока мух в плане высших идей.

Дядюшка мой никогда не скрывал, что цивилизация инсектоидов оказывала влияние на развитие человеческой цивилизации, прежде всего, в структурном аспекте, причём влияния весьма немалое, я бы даже сказал - знаковое, однако, пожалуй, наиболее ярким и чётко очерченным периодом жизни, который на веки веков влился в память человечества, оставив в летах исторического прогресса раскалённый шрам глубокой печати, было пребывание Фугенбрухуса в городе Хертогенбосе в пятнадцатом-шестнадцатом веках. В далёкие те времена дядюшка был ещё очень и очень молод, мягок и податлив своими хитиновыми покровами, равно как и крайне далёк от представлений о человечестве, будучи повсеместно и далеко устремлён вовне своего родного жизненного пространства сформировавшимся у него способом целеполагания. Уже в это самое время дядюшка обнаружил у себя недюжинный талант к пережёвыванию ткани, повсеместно натянутой такими же вот точь-в-точь, как и он сам, жуками поверх глаз человечества.

Поскольку одной из грандиознейших целей его личного жизненного кредо была именно культурно пережеванная переработка восприятия, по подобию переработки груш, яблок и крыжовника для домашнего варенья, переосмысление и перевоспитание ещё не вполне зрелого в плане перцепции человечества в духе гораздо более зрелой, но при этом тайный цивилизации высших инсектоидов. Именно следуя этой цели мой дядюшка Фугенбрухус и отважился идти в своей жизни до конца в устремлении передать свой разум хоть опосредованно, хоть через высокое художественное искусство эпохи Ренессанса, в кою ему довелось проявлять себя на человеческой планете через передачу глубин подсознания, нашедших себя в воодушевлении живописи Возрождения, претворяя мухожучьи идеи в жизнь и прикрываясь при

жизни в человеческом обществе вполне благовидной, хоть и посредственной, ничем особо не примечательной внешностью человека. В обмен же на жертву обманного облика к нему пришла слава вовсе излишняя для насекомого среди людей. Однако ж слава эта своего среди чужих имела один крайне приятный и нужный именно для Фугенбрухуса аспект: он получил столь долгожданную возможность влиять на умы человеческие, которую взалкал ещё чуть ли не с личиночного возраста, и слава его неизбежно преследовала дядюшку во все времена, начиная с пятнадцатого века, в любом государстве, в любой реальности и в любой проекции, где бы тот ни оказывался. Уж такова была его жизненная удача и его жизненное предназначение.

Как только решение было принято, тотчас же последовала вполне стандартная схема осуществления идей, а именно проникновение повсеместного видения мира посредством его жучьего гения, находящего всё более и более подноготное и мало понимаемое даже им самим выражение на начальных шагах его ранней художественной поступи по Европе в огранке рассудка любого гуманоида под собственный манер. Уж ей-ей, где-где, а вот в плане дистанционной гипнотической суггестии, даже не сомневайтесь, у дядюшки было всё в порядке - он был мастером на все лапки, истинным сыном своего народа. А оттого, к слову сказать, мухожук решил отказаться от истинной алхимической трансформации своего протоестества, то есть суть оборотнического изменения первоначал всех природных стихий, складывающих насекомую целостность, и именно из-за неестественности своей противного всему заложенному общемировому порядку вещей, определяющими ход жизни всех существ и во все времена.

Нет, мой дядюшка оказался умнее и поступил проще - он выбрал лишь казаться человеком посредством гипнотического транса наводимого на каждого встречного, ни на миг не становясь человеком в действительности. И лишь в минуты ночного покоя и блаженства он позволял себе расслабиться и явить миру своё исконное мухожучество. Рассказывают, что всякий, видевший Фугенбрухуса в эти томные часы неги и отдохновения, тут же падали оземь от разрыва сердца - настолько страшен был его облик для человеческого взгляда. Конечно, дядюшка мог бы просто стереть у всех этих бедолаг память об увиденном, он же не изверг всё-таки. Мог, но не успевал - те погибали раньше, чем он способен был бы хоть что-то предпринять.

Псевдогуманоид наведённых иллюзий придумал себе легенду, благозвучное, хоть и не совсем человеческое имя Ерун Антонисон ван

Акен и провозгласил себя якобы сыном художника, активно пробуя себя на этом же самом наследственном поприще. Однако легенда не была достаточно подробно проработана, поэтому и до сих пор о жизни и деятельности в человеческом обществе этого донельзя загадочного художника имеется очень мало достоверных сведений, зато ходит просто масса всевозможных и даже невозможных домыслов и легенд, большинство из которых, я уверен, он придумывал и внедрял сам, всеми правдами и неправдами способствуя распространению сведений о себе, способных окончательно запутать исследования даже у самого смелого и глубокомысленного учёного-библиографа.

Нельзя не отметить высокую степень инсектоидов в своей способности адаптироваться к возможностям и свойствам той среды, в которую они решали по той или иной причине внедриться. Так, внедряясь в среду обитания в качестве писателей, они все обязательно становились очень и очень неплохими писателями своей эпохи, постоянно глаголя свежие для человечества истины в интересах насекомых. Впрочем, жуков бывали свежи только для людей, обладающих по природе своей степенью осознанности гораздо меньшей, чем у насекомых развившихся в нематериальных мирах. По этой самой причине провозглашать всё те же истины, находясь на родной земле Фугенбрухуса, считалось среди его сородичей занятием не приличествующим благородным насекомым, всё одно как рассказывать всем и каждому банальщину повседневности с видом только что совершённого открытия: над решившим поступить подобным образом все лишь посмеются, как над дураком, до которого только что дошло всё то, до чего окружающие допеткали ещё чуть ли не с самого гусеничного вылупления из яйца. Но в плане людей дядюшкины родичи всегда могли позволить себе подобные стеганографические фамильярности: человечество давно прославилось в среде инсектоидов редкостным тугодумием, так что элементарные вещи людям приходилось втолковывать буквально на коготках лапок.

При сложившемся положении вещей люди всегда рассматривали нас как своих благодетелей, ошибочно причисляя по незнанию истинной обстановки, мухожуков к лучшим представителям рода человеческого, тогда как на самом деле мы даже отдалённо никогда не имели с людьми ничего общего, кроме тайной повсеместной жизни в человеческом обществе во все времена, и, хотелось бы надеяться, никогда ничего общего и не будем иметь. Именно повсеместное почитание, граничащее с преклонением, перед разумными инсектоидами астральных миров, скрывающихся под масками крупных деятелей разных времён и

народов, и породило в нашей среде так много баек и анекдотов на тему полумразумных безволосых обезьян, неспособных создать или придумать хоть что-то действительно своё, пока их цивилизацию увесистым пенделем под зад не подтолкнёт к техническому развитию или высокому искусству кто-нибудь из моих и дядюшкиных сородичей, снизошедших в тот или иной век, чтобы очередной раз отыграть заданную ему атмосферой времени роль в истории человеческой цивилизации, всё более и более приближая её к цивилизации мухожуков.

В конечном счёте, мы когда-нибудь добъёмся своего и сумеем-таки переселиться в плотный материальный мир окончательно, заняв на Земле отведённое для нас самой природой место властителей планеты, столь несправедливо занятое глупыми обезьянами, которые при верно выбранном и обкатанном, как морской камешек, дискурсе процессов глобализации и качественно подготовленной почве явления жуков народу будут продолжать благословить нас даже в нашем истинном обличье. Только вот когда же наступит то светлое и благодное для всех интеллектуальных насекомых время, когда мы получим возможность не прятаться среди людей, скрываясь под множеством личин, а расхаживать по улицам в том самом обличье, которое имеем по своему происхождению видов? Люди ведь даже не задумываются никогда, что, быть может, для насих облик столь же гнусен и омерзителен, сколь отвратительным кажется наш облик для этих тонкокорых макак с мягкими дряблыми телами? Им никогда не понять красоту хитиновой брони, сияющей гордым металлическим отсветом в прохладных, равномерных и тихих лучах раннего рассвета, будящих эмоции запредельного вдохновения в каждом из моих сородичей.

Впрочем, первые подвижки в сторону открытия природы мухожуков человечеству уже произошли, пройдя, как водится первым признакам чего бы то ни было, целиком и полностью незамеченными. Примеров тому - множество, если не хлопать усиками и быть достаточно внимательным к событиям, происходящим на планете в то или иное время. В собственной природе признался однажды культовый рок-певец в тексте одной из песен незадолго до отъезда из командировки обратно в мир насекомых, так и президент крупнейшего земного государства в самой завершающей точке своей карьеры, настолько усердно и реалистично изображавший для народа еле ворочающего языком пьянчугу на протяжении всего срока своего правления, что нет и не может быть ничего удивительного в его действительной сильной усталости от бредовости человеческих политических перепетий и

дипломатических хитровывертов с последующим вполне закономерным желанием уйти на заслуженный отдых, чтобы наконец-то побыть самим собой в своём мухожучьем обличье.

Но, конечно же, как в первом, так и во втором случае, указанных насекомых все люди слышали не так, как было сказано, а так, как все захотели услышать. Я уж не говорю об известном писателе родом из моей проекции, который ничуть не скрываясь и ничего не утаивая опубликовал несколько достоверных историй из жизни моих сородичей, основанных на их же собственных личных мемуарах, но и в его опусах литературные критики усмотрели только винигрет из восточных мистических учений вкупе с едко-сатирическими реминисценциями на тему позднесоветской действительности. Другой писатель, живший до него в несколько более раннюю эпоху, буквально и дословно описал свою способность превращаться в насекомое, лишь чуть завуалировав неприкрытую правду обликом персонажа, описанного от третьего лица, но и в тот раз никто среди людей ничего не понял, окончательно запутавшись в литературных поисках глубокого смысла. Это ещё одно из свойств человеческого ума, порождающего миллион искажений и заблуждений, когда истина, казалось бы, лежит на самой поверхности: люди всегда видят, слышат, а затем и думают вовсе не то, что действительно происходит или думается, а то, что положено видеть, слышать и думать по желаемому или предполагаемому контексту складывающейся ситуации.

Причём даже чаще, чем желаемое за действительное, люди выдают за действительное нежелаемое, то, что их страшит и то, чего бы они всеми возможными путями хотели бы избежать - так и живут постоянно между смутным отблеском своего отражения, принимаемого за счастье и смутной тенью самого себя, принимаемой за грусть-печаль. Когда же в их жизни действительно приоткрывается узкий лаз в настоящее, то настоящее, в котором постоянно живёт весь мой насекомый народ, люди в лучшем случае начинают испоганно креститься и говорить, что им, видите ли, “показалось”, а в худшем начинают думать, что сходят с ума. Хотя в данном случае всё оказывается как раз наоборот - именно в такие-то моменты ум к людям и приходит, а зато вот во всё остальное время их жизни... В общем, давайте лучше не будем о грустном.

Нельзя, конечно, утверждать, что тайна нашего происхождения и постоянного присутствия в человеческом обществе никогда не давала трещину. Конечно же, нет, бывают промахи в плане конспирологии и у нас. Ещё во времена активной художественной и общественной деятельности моего дядюшки на Земле о нас упоминали

сектанты-гностики, называя “древнейшими”, “архонтами”, впрочем, не без нашего же старания гностицизм был объявлен официальной католической церковью опасной ересью и практически полностью истреблён, так что полученные этими духовидцами знания постепенно сошли на нет, покрывшись завесой вековой паутины столь жё тёмной и пыльной, как тайна, окутывающая визионерское знание гностиков.

Спустя столетия, уже в двадцатом веке, известный мистик, тройственный шаман и друг астральных существ, следовавший по пути древнеиндейского культа и насочинявший о своём обучении дюжину книг, увидел как-то раз одного из моих сородичей, весело резвящимся в естественной среде обитания, да с перепугу и обозвал мухожука воладором. Звучит-то как пафосно. Ну вы сами посудите, какой ещё такой “воладор”, если мухожук - он мухожук и есть, и этим всё сказано. В дальнейшем времени встреченному шаманом инсектоиду пришлось приложить немало усилий и даже вынуть наружу и вложить вовнутрь намерения частичку души для того, чтобы мистика посчитали мистификатором и не особо-то ему на слово поверили. Потому-то среди людей мы так и остались кем-то из разряда страшилок в бабушкиных сказках, где-то между лешим и сидящей на ветвях русалкой. Хотя, должен признать, проколом тот случай для нас был действительно крупным - вся наша миссия чуть было не завершилась катастрофой.

Благо для нас, люди слишком трусливы, чтобы четко самим для себя признать наше существование - они готовы поверить во что угодно и в кого угодно из разряда собственных защитных выдумок, но только не в реальность существования мухожуков, хотя мы-то как раз и находимся у людей буквально по самым носом и встречаемся им ежедневно. Может, оно и к лучшему - нас подобное положение вещей более, чем устраивает.

Я уж подумывал о том, а не прогуляться ли мне по улице в своём истинном обличье - ну максимум набожные старушки подумают, что увидели чёрта, да ещё несколько школьников среднего звена, встреченные мною, решат, что пора бы им завязывать мешать алкоголь с холинолитическими обезболивающими, все же прочие меня, вероятнее всего, просто не заметят - слишком заняты насущными работами и заботами, чтобы обращать внимание на какого-то там мухожука двух с половиною метров ростом, расхаживающего в толпе на задних лапах. Всё решаюсь на этот отчаянный эксперимент, да вот всё как-то решиться на него не могу. Быть может, как-нибудь на днях, если скучно будет. Ну да вернёмся к биографии моего дядюшки, о котором я решил вам поведать из чувства глубокого уважения к делам,

заслугам и художественным творениям этого действительно великого и неординарного во всех смыслах насекомого.

Уходя в науку, например, физику или биологию, мы абсолютно обязательно приоткрываем двери в сторонние с точки зрения землян миры таких разумных существ, как дядюшка Фугенбрухус, либо же незаметно и постепенно рассказываем людям побольше об отличиях жизни людей от моих более примитивных собратьев - насекомых без разума, обитающих в мире той же информационной плотности, где обитают и люди, то есть на Земле. Естественным следствием производимых преобразований была ещё в Древности достигнутая открытость людей к получению знаний от тех, кто владел гораздо большими возможностями по сравнению с человеком и доверие к сведениям, получаемым подобным путём под видом откровений от разнообразных ангелов и божественных снисхождений, не говоря уж о том, что каждый из известных человечеству пророков был, само собой разумеется, командированным на Землю насекомым - люди по природе своей не способны ни обладать подобным уровнем восприятия, ни, тем более, творить чудеса.

Конечно же, у каждого чуда есть своё точное объяснение, очевидное для мухожуков, но эти квёлые обезьяны, привыкшие видеть лишь внешнее и никогда - внутреннее - всем своим стадом следовали за очередным пророком, стоило тому лишь ляпнуть пару бестолковых трюизмов и продемонстрировать пару способностей, столь естественных для каждого насекомого, что мы даже не задумываемся о том, что эти способности могут удивить хоть кого-то во вселенной точно так же, как людей не удивляет способность говорить и ходить прямо на своих задних лапах. Казалось бы, что особо сложного в элементарной трансмутации энергии при переводе её с одной несущей волновой частоты на другую, что в мире материи отражается, к примеру, как превращение одного напитка в другой, воды в вино там и всё такое? Раньше мы думали, что подобными вещами проще удивить камень, чем кого бы то ни было живого в этом мире. Но оказалось, что это не так - люди удивляются подобным вещам. Вот ведь чудачки.

Проделки дядюшки Фугенбрухуса позволяли людям полностью раскрыться, оказывая скрытые, сторонние и опосредованные потоки влияния на людские умы, постепенно склоняя развитие общества по всей планете в сторону своего собственного направления, о чём я выше уже упоминал. В этом отношении дядюшка был отнюдь не исключением, а очень даже правилом. Да, были люди, оказавшиеся в друг под властью инсектоидов и создававшие мощную и

безграничную питательную основу для любых условий, знаменующих возвышенное жуческое величие и процветание во всех проекциях Реальности. В старинные времена же, впрочем, как и почти всегда, обстановка в обществе задавала достаточно жесткие рамки для тематики жизни, и оттого дядюшке моему ничего не оставалось, как настырно и упорно осуществлять попытки перекося человеческих идей о природе явления и сути насекомых оккупантов в форме гуманоидов, неустанно продолжая попытки их всячески скрыть, завуалировать и мифологизировать.

Конечно же, люди отнюдь не могли быть столь же безупречными, естественными и сильными, чтобы, как правило, даже захотеть раскрыть поддерживаемый насекомыми обман, и куда уж людям было бы идти против воли и смекалки самого Фугенбрухуса. Однажды Ерун ван Акен спустился, чапая лязгом своих чёрных модно заточенных коготков по сыроватым каменным ступенькам в подвал собственного дома, неся на руках закопченный масляный фонарь, который давал едва ли больше света, чем горсть полудохлых светлячков, собранных в баночку вместо земляники прямоком с летней лесной поляны. Вдруг где-то в самых низинах подвала что-то гулко и смачно затрепетало и загрохотало, издавая скрежещущий лязг, вероятно, твёрдых, как осмий, челюстей. Сердце в груди ван Акена забило чаще, разбудив дремлющие страхи его великоосознанности, отразившиеся в неверном и обманчивом, пляшущем на крупной известковой кладке стены, отблеске едва заметного света фонаря.

В этом тусклом сиянии, к которому далеко не сразу адаптируются глаза, художник увидел гигантскую чуть ли не демоническую тень, а вскоре владельца этой тени. Перед перед дядюшкой, изображающим ван Акена, стояло огромное, метра под три существо, покрытое чешуйками, темное своим блестящим панцирем, как гранит ступенек ступенек, ведущих в подвал, а под отливом пластинчатой тускло-металлической на вид брони, отсвечивающей слюдяными искорками мушек, по всей поверхности туловища периодически то там, то здесь вырывались из многосантиметрового хитина отталкивающие пучки куцых и линияющих волос буро-рыжего цвета, довольно жёстких и колких на вид, как тончайшие иглы пронзающих шипов, готовых переломиться где-то под кожей у любого, бросившего встреченному существу вызов, оставив там коричневатые червячки проволоки ломких, как стеклянные нити, и болезненных острых заноз.

Из-за спины, точно бы надрывно смеясь и быстро пытаясь показать Фугенбрухусу змеящийся протяжённый язык, чтобы весело

подразниться, это громоздкое создание, издавая тяжёлый ухающий вздох, на доли секунды вытягивало мерцавшие, как толстая целлулоидная пленка, полупрозрачные сероватые крылышки, отсвечивающие мокро-радужным отливом и издающие хруст, напоминающий шелест перелистываемых толстых пачек купюр, которые ван Акен видел когда-то в безоблачном зелёно-гусеничном детстве, когда всей его заботой было разве что выбирать между листочком посочнее и попитательнее да цветком покрупнее и поароматнее. Дядюшка почему-то мгновенно вспомнил свой давнишний редкий случай наблюдения купюр издавелека, разумно помыслив, что после случившейся встречи с созданием, по-видимому, уже никогда ничего подобного в своей жизни и не увидит. В плане купюр, а не в плане существ.

Создание стояло на своих задних лапках, пританцовывающих от холода каменного пола в подвале. Лапки своей колючей мохнатостью немного походили на мышинные, но не очень сильно, просто складывалось впечатление, что на каждой лапе растёт по жиденькой козлиной бородке. Остальные же четыре передние лапы были крест-накрест сложены на груди и скреплены друг с другом шипастыми отросточками по краям, как застёжки-молнии.

Тут существо вытянуло лапы строго вдоль плеч, точно генерал на параде, и вложило их в небольшие полосы возле закрылков, как это очень удобно зачастую получается у клопов. Брюшком существо ошарашенно посвистывало сопелками дыхательных отверстий, куда свободно смог бы закатиться даже грецкий орех. А вот кокосовый уже великоват оказался бы. Голова инсектоида являла собой весьма массивное образование, напоминающее средневековые шлемы варваров с востока, но всё описанное было просто ничем по сравнению с исполинской величины шарообразными фасеточными глазами, состоявшими из глазков поменьше, подоткнутых вплотную, как сочные клетки в цитрусовых дольках. Глазки складывались в единую, лишь слегка разделенную под самым краешком структуру матовых светочувствительных элементов, глядящих с ледяной отрешённостью и напомнивших Фугенбрухусу подвешенные под потолком кладки паучьих яиц в его родном мире, покрытые мягкой ленивой шапочкой переливчатого малиново-лилово-фиолетового бархата, равномерного, как чуточку мышастая поверхность только что проросшей плесени.

Над фасеточными глазищами подвального гостя нависали маленькие и острые, как у великого сюрреалиста, усики, больше напоминающее в то же время брови знаменитого генсека, который, к

слову сказать, будучи, разумеется, мухожуком, в действительности использовал свои роскошные брови для обоняния и ощущения движения объектов вокруг себя, подобно тому, как кошки привыкли использовать свои вибриссы. Чуть ниже глаз у встреченного дядюшкой инсектоида на месте рта торчал мерзенький хлюпающий хоботок, точнее даже, целый хобот, заканчивающийся чем-то напоподобие приплюснутый присосочки, размером с небольшое блюдце, подаваемое в аристократических кругах на ужин с россыпями арабских фиников или нарезкой свежесыпеченной свинины. Существо периодически липко и неистово с шумом пробовало воздух и стены на вкус, вытягивая свой хобот на расстоянии почти шестидесяти дюймов и оставляя повсюду круглые мокрые следы от лижущей всё подряд прироски.

Молодой художник по призванию непонимающе уставился на своего сородича, решившего заявиться в гости в столь поздний час да ещё столь необычным путём, но подвальный монстр учтиво, как на приёме у короля, шагнул вперёд, поклонился и произнес бархатистым и приятным дикторским басом: “Дорогой друг, мой ненаглядный жучий живописец, пришли наконец-то те времена, когда тебе пристало исполнить свой возвышенный и животворящий долг перед человечеством. Я же пришёл к тебе из родных пластов оказать полное содействие тебе лично и твоим возвышенным целям, а точнее - нашим целям, общим для каждого мухожука. Прошу, выслушай меня внимательно, и судьба твоя сложится тогда вполне благополучно, я даже могу тебе это гарантировать”.

Ерун ван Акен аж оцепенел в неудобной позе от снизошедшего на него удивления, и, не смея даже пошевелиться, уставился на коленопреклонённое насекомое прямо перед собой, похожее, причём, на него же самого, только окрепшего, возмужавшего и помудревшего. Между тем, незванный таинственный гость продолжал свою речь: “Чтобы не возникало лишних вопросов, то скажу тебе сразу - моё имя также Фугенбрухус, как и твоё собственное, поскольку я - это и есть ты, только в далёком будущем. Зная все предстоящие тебе дела, свершения и поступки, я пришёл, дабы помочь тебе, то есть себе самому, выбрать наиболее верный жизненный курс во враждебном нам человеческом обществе, избежать возможных ошибок и обогнуть встречающиеся у тебя на жизненном пути подводные камни, дабы ты сумел исполнить нашу миссию на этой Земле самым наилучшим образом из всех возможных для тебя вариантов.

Именно поэтому у меня есть вполне заманчивое предложение для

тебя. Навряд ли без помощи себя самого из будущего ты станешь выдающимся художником, тогда как именно я могу тебе помочь стать таковым. Скорее всего, без оказанного содействия, ты будешь лишь одним из тех, чьи имена помнят ровно до тех пор, пока художник жив и выпускает в свет свои очередные лубочные картинки. Мы вместе с тобой вдвоём исправим эту ситуацию. Видишь ли, дорогой товарищ я сам, чтобы пролить свет истинной высокой культуры инсектоидов на лоно культуры человечества, нам сейчас, то есть в твоё время, не хватает ставленников, которые бы помогли мухожукам окрепнуть и встать на ноги в столь разнообразном и непривычном мире. Но просто быть ставленником мало - отдача будет слишком невелика, чтобы быть заметной во всём переплетении творящихся процессов человеческой цивилизации. Далеко не каждый из нас, подобно тебе, готов ради родного народа быть жертвенным настолько, чтобы отправиться в отшельничество жизни среди людей. Поэтому для того, чтобы результат деятельности таких, как ты, самоотверженных мухожуков был хотя бы чуточку заметен и отавил свой очередной вклад в культуру человечества расслабленно быть просто насекомым здесь мало. Нужно собрать воедино все силы, будто ты на войне - а по факту так и есть - ты борешься за становление нашей культуры и исход боевых действий ещё ох как далёк от завершения. Так превозмоги же себя и действуй идеально, стань из простого мухожука сверхмухожуком, которому всё нипочём. Вот почему я здесь.

С одной стороны, как ты знаешь, внешний наш истинный облик слишком уж устрашающ для среднего обывателя, и не каждый из нас, а только самые лучшие представители рода имеют способности постоянно поддерживать в людях иллюзию человеческого облика, но ведь гораздо важнее для нас - это поддерживать духовный облик человечества на должествующем уровне, что крайне сложно делать, не скрываясь. Даже если мы всем скопом несём миру свет, благоденствие и радость, люди - увы - по глупости своей исключительной не склонны доверять существам, у которых больше четырёх конечностей. Именно в этом и заключается древнейшая дилемма взаимодействия двух рас, двух биологических видов разумных существ. Люди слишком свободолюбивы, они страшатся опеки со стороны тех, кто легко достигаем и в то же время слишком раболепны, ибо жаждут опеки со стороны своих физически недостижимых эфемерных фантазий. Человечество предпочтёт создать образ нечто, что выше их и тянуться к этому нечто. Но оно никогда не признает, что мы действительно выше людей в плане развития, и скорее уж возненавидит нас за это, ведь до

хитиновых закрылок дотянуться куда как проще, чем до мясистых крылышек ангелочков, которые, наверное, были бы очень и очень вкусными, если бы существовали в действительности. А мы существуем.

Для бесчинствующих и безумствующих масс толпы мы - демоны, падшие, но не потому, что хуже этой толпы - куда уж хуже, а лишь потому, что учим людей жить, что видится толпе оскорбительным. А оскорблений толпа не прощает. Нас невидят и считают злом и тьмою не оттого, что мы зло или тьма - ничего подобного во вселенной безграничной относительности просто не существует - нет, нас считают злом и тьмой как раз потому, что мы лучше, сильнее, совершеннее людей. Человечество чувствует, что в случае борьбы с нами им не победить, чувствует исходящую от нас потенциальную угрозу, даже если мы желаем людям добра и привносим в их мир лишь самое лучшее, что имеем сами, и этот повсюду преследующий человеческую цивилизацию скорее уж околосоознанный, чем явственно понимаемый страх, заставляет людей точно так же бегать, пугаясь не нас, но скорее из тех демонов, что породил сон разума толпы - демонов куда как более жутких и опасных для человечества, чем мухожуки, поскольку никогда не существуя, они не ограничены в собственных гнусных порывах ничем, кроме самых мрачных уголков человеческой фантазии.

Страх лишь до той поры сохраняет собственное качество, пока состоит из непонятного смутно клубящегося клубка ощущений и предчувствий, но лишь стоит столкнуться со страхом лицом к лицу - и познать его до дна - и вот уж он бесследно испаряется, как пар над чайником, подобно любой другой иллюзии человеческого ума. Страх просто не существует, его заставляет чувствовать гипноз общепринятых порядков, под которыми почти все люди пребывают в течение всей своей жизни, за исключением самого раннего детского возраста. Да, мы действительно хотим бесприпятственно властвовать на планете Земля, но это ведь вовсе не означает, что мы желаем зла людям. Во все нет, мы лишь стремимся к гармоничному восстановлению природной эволюционной справедливости, при которой низшие формы разума должны находиться под властью и опекой высших, ведь люди по природе своей достаточно обидчивы, агрессивны и эгоистичны, а потому, оставшись без нашей поддержки наедине лишь сами с собой, они низвергнут собственную планету в такую пучину хаоса и раздора, что на Земле может больше не остаться места не только для нас, но и для возможности существования самой жизни вообще.

Вот почему наша опека над человечеством просто жизненно необходима как нам, так и людям. Нам - ибо мы не можем допустить,

чтобы погибла планета в отношении которой у нас есть столько планов, вынашиваемых тысячелетиями, с самых ранних времён, когда только зарождались древние человеческие цивилизации. Людям - ибо без нашего вмешательства они вмиг погубят всё живое на планете, включая самих себя. Твоя миссия здесь, дорогой Фугенбрухус, в привнесении в мир людей знаний через высокое художественное искусство, к которому у тебя среди всех прочих занятий имеется наибольшая склонность. Но любое из качеств красоты или безобразия, умеренности или расточительности, утончённости или грубости, мудрости или глупости - всё это, знаешь ли, вопрос чувства и меры стиля, культуры и вкуса.”

Сказав слово “вкуса” дядюшка Фугенбрухус из будущего чуть-чуть причмокнул с мечтательным видом и элегантно движением втянул присоску своего склизкого и блестящего мушиного хоботка, будто воображая, как отправляет в рот кубик сахара-рафинада. Помолчав немного в раздумьях, гость из подвала продолжил, будто бы, наконец-то, собравшись с духом сказать самое главное, ради чего и был затеян весь этот разговор: “Всё, что требуется от тебя, так это перестать писать собственные картины в старом стиле лишь для того, чтобы обрести стиль новый. Я попрошу тебя чуточку нарушить общенасекомое соглашение о неразглашении тайны присутствия мухожуков в мире людей и ниспослать людям хотя бы полунамёк о нас через свои картины, которые все люди всё равно посчитают слишком символическими и мистическими, почти что алхимическими, чтобы сильно захотеть разгадать тайны этих картин. И даже если найдутся такие дотошные и полные отваги юноши со взором горящим, что сочтут делом всей жизни сидеть и размышлять бессонными тёмными ночами над ребусами твоих картин - что же, тем дальше они будут от той правды, которую ты хочешь донести и которая заперта, как и подобает тайне, самым надёжным способом, то есть находится у всех на виду и не требует никаких разгадок. Нам нужно подготовить почву, дабы тема инсектоидов больше не казалась людям такой уж безмерно чуждой и неожиданной. В этом и заключена вся цель твоей жизни на Земле.”

Ерун Антонисон ван Акен еще не оправился от потрясения встречи с самим собой в иной ипостаси, а оттого воспринимал складывающиеся на тот момент причинно-следственные связи достаточно смутно, ему оставалось только согласиться с Фугенбрухусом из будущего, слабо кивнув пластинчатым лицом в ответ на выдвинутое дядюшкой творческое предложение, и с этого самого момента уже ничто не было возможно вернуть обратно, ведь, как общеизвестно, любые соглашения

в цивилизации гигантских насекомых заключаются окончательно и бесповоротно, отменить их невозможно в принципе, поэтому даже слабый кивок головой, сделанный Еруном, был расценен дядюшкой в качестве окончательного, тотального и бесповоротного согласия. И правда, уже через некоторое, достаточно короткое время, прошедшее с момента состоявшегося между Фугенбрухусом и Фугенбрухусом разговора, ван Акен действительно стал знаменитым художником, как и обещал ему он сам. Но уже на тот момент становления и возвышения дядюшкиной популярности никто не понимал до конца, и пожалуй, до сих пор не понимает символики картин, через которые этот замечательный художник рассказывал о своем мире, картин в которых сочетается гибкая насекомая грация вместе с тайными отсылками к уникальной и разносторонней культуре и цивилизации разумных инсектоидов.

Вечный, как сама реальность, ван Акен, создавая великолепные произведения Эпохи Возрождения, тем не менее, не собирался раскрывать все карты, искренне и уверенно желая, чтобы человечество усвоило его уроки в самом нативном, самом природном и самом глубинном подсознательном уровне, в том устье, где разум каждого человека вливается в океан ноосферы и где безгранично правят древнейшие архетипы, хранящие печать своей таинственности со времён зарождения человеческого разума и приоткрываясь только некоторым представителям рода человеческого, да и то лишь на миг. Но этого мига оказывается достаточно, чтобы получить статус целителя, колдуна или мистика. Однако же, право слово, дядюшкина тайна по-прежнему остается тайной, ведь тайна - это, по сути дела, вещь в себе, суть её в её статусе, теряя который она оказывается неспособна сохранить самое своё существование.

Именно поэтому, я подумал, что, быть может, уже спустя прошедшие со времён описываемых события столетия, настал тот час, когда мой дядюшка Фугенбрухус, давным-давно уже почивающий на лаврах в своём родном мире во время заслуженного отдыха после олгих лет верной и исправной службы на благо человеческое, всё же решится поведать нам свои тайные мотивы и идеи, заключённые в его работах. Ведь мы живём в мире, где совершённая им временн`ая петля показала преотменный результат и, вероятно, тот дядюшка, которого я знаю столько лет, не только помнит себя молодого, встретившего самого себя из далёкого будущего, но и уже успел, пребывая в этом самом будущем, ставшем на настоящий момент уже прошлым, стогнать во времена своей молодости и побеседовать с самим собой, тем самым, который из

прошлого, и которому и суждено было стать одним из величайших художников своего времени.

Я посетил Фугенбрухуса совсем недавно, буквально на прошедших выходных, и спросил его о том, насколько его творения оказались эффективны с точки зрения выполняемой на планете задачи и о том, какова сейчас обстановка во взаимодействии человеческой и инсектоидной цивилизаций. Он оказался весьма словоохотлив, я же переписал интервью с ним слово-в-слово, и вот что художник оказался готов поведать новым поколениям, вальяжно восседая в мягком кресле и потягивая хоботком из черпака специально собранный для него сладкий нектар: “Начнем с того, что информационные технологии, развившиеся в последнее время повсеместно, сделали наше пребывание на Земле более лёгким, кратковременным и малочисленным. Любые знания распространяются через Интернет со скоростью лесного пожара, поэтому мухожуки, как правило, в последнее время объявляются под видом скандальных блоггеров или просто людей творческих профессий, делают даже скорее не вклад в общемировую культуру, а просто вброс в мировую паутину - и исчезают так же неожиданно, как и появились, считая свою миссию на Земле выполненной. Конечно, нам довелось немало постараться, чтобы некогда маленькая и закрытая военная сеть стала общемировой и даже ознаменовала становление новой субкультуры, основные аспекты которой искусственно разработали лучшие из наших насекомых специалистов-философов, психологов и антропологов. Зато мы значительно облегчили себе жизнь и теперь можем пожинать плоды былых стараний в деле.

Именно потому-то в будущем мы решили отказаться от посещения планеты в весьма напрягающем нас и противоестественном человеческом облике. Поначалу наши цивилизации и культуры имели здесь довольно крепкие взаимосвязи, даже совместные научные изыскания проводились. Выший совет инсектоидных иерархов временно провозгласил самобытный принцип развития человечества, заключавшийся в извлечении сути человеческой глупости, так сказать, общемирового камня преткновения. А потому нам оставили право вмешиваться тогда и только тогда, когда уровень этой самой глупости начинал зашкаливать, что было чревато последующими глобальными катаклизмами. Но, к сожалению, даже при таком раскладе далеко не все катастофы, вызванные действиями людей на Земле, нам удалось предотвратить. Первое, что было наиболее загадочно и проблематично, так это принципиальная разница в уровнях восприятия мухожуков и

людей, приводивших к недопониманию в самые разные времена и на самых разных уровнях взаимодействия наших рас.

Паутина сознаний, переплетаясь, плотно облегает каждого из нас, заставляя любого инсектоида проникаться настроением своих соседей по частотам, дополняя друг друга до идеально целостного состояния. Нужно лишь выбрать требуемое настроение и заставить это настроение поглотить самого себя полностью - и вот уж недочёты, дыры и бреши вчувствования оказываются залатанными сами собой посредством настроений наших соседей по настроению, лишённых наших недостатков. Зато у нас в настроении могло в избытке оказаться нечто, чего оказывались лишены изначально наши соседи по настроению, что позволяло им латать собственные дара за счёт нас. Только рождённый мухожуком способен полностью проникнуться вдохновенным порывом центростремительного идеала коллективного сознания, когда каждый из соседей по настроению уравнивает каждого другого соседа, становясь на время полностью идентичными друг другу личностями, ввергнутыми в определённое, выбранное по ситуации состояние, и действующими как единое целое сознание, волей и силой помноженное на количество воли и силы каждого из участников роя, собранного здесь и сейчас для решения определённых насущных задач. Люди по природе своей лишены счастья действовать единым и неразрывно целым коллективным сознанием, вот почему мы в качестве своеобразного костыля создали для них Интернет, хотя он не способен дать людям и сотой доли тех эмоций, которое испытываем мы, объединяя собственные сознания.

Мы мерим жизнь не пространством, а чувством информационной близости. Для нас сосед - вовсе не тот, кто сидит, стоит или живёт рядом, а тот, кто чувствует примерно так же, как и мы сами, тогда как пространство, на деле, не имеет никакого особенного значения. Мы же решили исходить от обратного в эксперименте над человечеством и выдвинули принцип торжества пространства над разумом среди индивидов. Конкретно моей личной задачей было рисование картин о нашем с тобою мире сообразно и в перерасчёте на принципы функционирования человеческого зрения. В паутине разумов мы также видим слепки выдавливающихся узелков информации, различимых как отдельные объекты, но опять-таки несколько по-иному, чем люди: точно лучи, ниспадающее из другого пространства на поверхность земли, как бы составляя при этом связующие звенья с космосом нечто совершенно иного. Здесь речь, конечно же, идёт вовсе не о космосе, где каждый из людей имеет возможность наблюдать каждую ночь над

головой ночные светила, звезды, планеты и висящую луну, вовсе нет - я лишь попытался выразить для людей в понятной для них зрительной форме представление о моём собственном пространстве, откуда происходит цивилизация разумных насекомых, и каким образом эта цивилизация даже и по сей день соединена с цивилизация разумных гуманоидов, то есть людей. Всё вышеописанное можно самостоятельно лицезреть на одной из моих полотен.

Если рассматривать такие структуры хотя бы приблизительно, то именно они и становятся носителями направления развития всего в этом мире и это направление развития являет собой нечто среднее между несомой отовсюду и везде энергии мира, образов цели человеческих существ и наших целей насекомых, а также безграничных возможностей тех первозданных структур причин всего, в которых разворачиваются бесконечные измерения существования. Именно этому многообразию позиций и представлений следовал я когда-то в своих работах, выдавая себя за Еруна ван Акена, сына художника и тоже художника, якобы по наследию семейной деятельности. И я усердно и старательно разворачивал назначенную мне задачу в городских условиях средневековой старины, в своей лаборатории, бывшей по совместительству и моим тайным убежищем, где я мог хотя бы ненадолго отдохнуть от опостылевшего мне в те времена человеческого обличья, хотя и некуда было деваться от всепроникающей повсеместности человеческой реальности, которую я тогда рассматривал как неизбежную издержку несомой мною боевой службы и всеми возможными правдами и неправдами стоически терпел, несмотря на всё вызываемое проекцией людей отвращение, ежесекундно отдававшееся дрожью до самых коготков моих художествующих лап, привыкших к кисти с мольбертом и уже почти забывших о том, как ползать по потолку и по стенам.

Я создавал художественные работы, произведения искусства, редактируя и оттачивая каждый масляный мазок оных до совершенного шедеврального состояния. Изображённый на картине человек с перевернутым фильтром на самом же деле имел свой реальный прообраз, носивший на голове антенну и излучатель довольно широкого диапазона частот. Конечно же, человек этот на самом деле был таким же точно, как и я, агентом-насекомым, а излучатель его позволял отслеживать, контролировать и корректировать зарождающиеся в человеческих головах идеи на достаточно обширной территории вокруг моего коллеги с излучателем. И, да, немало народа направил он тогда в нужное для нас русло, обустроив в выверенном

лучшими жуками-антропологами поле деятельности. Мы все имели в те былые и давно ушедшие славные времена, не то, что сейчас, разветвленную сеть лично знакомых друг с другом агентов, взаимодействующих каждый с каждым посредством коллективного разума, и эта искусственно воссозданная нами среди людей часть насекомого мира позволяла нам поддерживать здесь своё существование в значительных масштабах, оказывать содействие и взаимопомощь, но со временем разветвлённые и запутанные структуры нашей организации совсем пообветшали и пошли трещинами, сквозь ветошь общинного искусственного пространства свистели дырами ненадёжности и хрупкости. Мы стали столь же неустойчивы в своей самоорганизации, что напоминали друг другу Колосса Родосского, готового рухнуть в любой момент.

И когда разрушение и крах некогда прочных структур инсектоидного взаимодействия стила более чем очевидными, тогда большинство из нас отправились на поиски новой, запасной, планеты, дабы обрести более подходящие структуры для внедрения, мы также искали и новые стороны собственной жизни, находящейся где-то по ту сторону проекции моих картин в человеческой реальности. Искали - и, приложив немало совместных усилий, нашли таковых немало, ставшие в последующие столетия самой мощной подспудной платформой и самой совершенной средой для нашего существования, позволявшей нам чувствовать под лапками твердую почву бытия, раскрывая и претворяя в жизнь бесконечный ресурс для вечного продолжения существования и обретения дополнительных форм самих себя, свойств самопроявления и возможностей самосознания. Но самым главным нашим достижением было то, что мы подготовили величайший за всю историю нашего существования плацдарм для последующего очередного штурма Земли. Наивно было бы полагать, что переселившись на другие, доселе необитаемые планеты, мы успокоимся и откажемся от достижения цели, на которую потратили бессчётный объём приложенных усилий и несколько тысяч лет жизни.

Во времена Великих Космических Открытий расы мухожуков на Земле остались из наших представителей только ученые и творцы, подобные мне самому, увлечённые неэгоистическими идеями и готовыми служить высшим целям ради постижения жизни новых, непонятных существ, чуждых в равной степени как людям, так и нашей высокоразвитой цивилизации. И вот как раз в этот самый период существования планеты мы обратили внимание не только на более-менее цивилизованные народы, но и зарождение на некоторых

землях первобытных родоплеменных обществ. Тогда мы решили поставить эксперимент и проследить, к чему приведет ненавязчивая интериоризация и ассимиляция культурных уровней наших собственных структур с зарождающимися полудикими народами рода человеческого. Слишком короткий срок жизни людей привёл к тому, что нас, живущих на несколько порядков дольше, стали называть бессмертными, а превносимые нами знания возвели в ранг снисходящих на эти народы божественных откровений, тогда как мы были всего лишь учеными и насекомыми, снова вернувшись на Землю, но в этот раз уже из глубин космоса, где на время обрели новый дом.

Когда старый способ взаимодействия с относительно развитыми земными цивилизациями у нас совсем подрастис, мы устроили совместное собрание-совещание, на котором довольно легко и без излишних споров путем быстрых телепатических объединений разумов, столь часто нами практикуемых и донныне, приняли решение распустить объединение ученого совета и снять с учёных насекомых ответственность за дальнейшую судьбу человечества, оставив за каждым мухожуком личное право оказывать когда угодно и какое угодно влияние на идейную направленность человечества, поскольку, как показали результаты длительного эксперимента, мы все вместе так ни к чему и не пришли в отношении повышения нашей роли среди людей и приближения момент окончательного захвата Земли. Вполне вероятно, что всё сложилось именно таким образом, поскольку каждый из нас, действуя исключительно в заданных всем жучьим сообществом рамках, боялся проявлять личную творческую инициативу, которая, будучи во всей своей разрозненной совокупности гораздо более разнообразной и всевариативной, чем бедные на фантазию решения Учёного Комитета мухожуков по делам человечества, олигархического по своей сути и насквозь потому коррумпированного.

И тогда каждый из нас продолжил эксперимент, но уже сам за себя, в отдельно взятом ключе и не будучи обязанным ни перед кем отчитываться. Все мухожуки продолжили, как правило, свою научно-исследовательскую линию, начатую ими ещё до роспуска Комитета, зачастую согласовывая её отчасти ради собственного же удобства с линиями других исследователей, но на сей раз будучи уже полностью вольными и свободными в собственных действиях и решениях. Люди-дикари тогда, сопоставив нас со свойствами своей жизни, придали высшим инсектоидам в соответствии с собственными примитивными жизненными представлениями определённые

природные функции в самом что ни на есть глобальном плане. Конечно же, никто из нас ничего подобного не умел, да и, честно говоря, физические законы никому и не требуется “уметь” - они просто есть вне зависимости от того, нравятся они нам или нет.

Прошло еще некоторое время. Видя значительно возросшую эффективность новой формы взаимодействия, мы приняли судьбоносное решение отправиться всем скопом в далёкое прошлое Земли, на самую зарю зарождающихся цивилизаций, развившихся к Средним векам до более-менее сносного уровня, и уже оттуда, из диковатой старины Древнего мира попробовать открытую нами новую форму взаимодействия, показавшую свою высокую эффективность на современных первобытных обществах. Но уже на сей раз мы не торопились покинуть Землю, а как раз наоборот - распределились по территориям, на которых столкнувшись с вынужденными неудобоваримыми условиями и проявлениями всё ещё чуждой для нас, хоть и столь подробно изученной человеческой формы жизни, мы продолжили активно развивать собственную культуру, но только уже не в своих родных попространствах, а в условиях активно шествующей по всей планете человеческой цивилизации, творя историю восприятия, да и просто историю людей, можно так сказать, практически с чистого листа.

Одним из следствий проведения этой долговременной и крайне интересной экспериментальной операции над рассудками людей стало повсеместное галлюцинирование людьми внушенных нами искусственно разработанных условных образов вместо истинных энергетических структур Реальности, к восприятию которых у человечества изначально были сформированы все задатки и склонности. Однако же под нашим жучьим давлением и опытной опекой над более низкоразвитым сознанием, люди разучились воспринимать действительные вселенские структуры нитей мира, заменив в себе их на запрограммированную нами выдумку условностей-масок над всем сущим, ставших для людей единственной доступной им реальностью, за исключением разве что реальности их снов, на которую они всё равно чаще всего не обращают никакого внимания. А зря. Но сейчас мы не об этом.

Конкретным примером мастерски осуществленной нами почти что вещественной подмены в умах человечества как раз и стало в итоге творчество городского художника времён позднего Средневековья - Еруна Антонисона ван Акена, то есть меня. Прошу заметить, что большинство сюжетов написанных в те давние времена картин, вот

этими самыми, к слову сказать, лапками и хоботком, несомненно, имеют отношение к ещё нераскрытым загадкам, которые людям ещё только предстоит разгадать. А я им не скажу - не дождутся такого благословения. На вилле я сокрыл в этих картинах всеобщий смысл существования того особого порядка, понятного только лишь для тех, кто был когда-то личинкой, кто рос и вырос в обществе разумных насекомых, и кому нет нужды искать что-то иное, поскольку ему отнюдь не чужды беспроводные каналы коллективного, в том числе и планетарного, разума.

Довольно-таки длительное время наука возглавляла и провозглашала в нашей среде новое самобытное течение, называвшийся извлечением и извлечением человеческой глупости. Первое, что при рассмотрении, например, моей картины “Вавилонская башня” наиболее заметно, так это искажённая её форма, специально подстроенная под возможности человеческого глаза: полотно на самом деле шарообразное и должно окружать зрителя со всех сторон на триста шестьдесят градусов, однако такой способ обзора, вполне естественный и даже сам собой разумеющийся у нас трудноват для реализации у людей. Вопреки расхожему мнению, я рисовал на самом деле отнюдь не Вавилонскую башню из библейских легенд, таковой её восприняло лишь насквозь пронизанное религией тёмное и хаотическое средневековое сознание обитателей Земли.

В действительности, на картине метафорически изображена иерархическая структура, графическая схема организации коллективного разума в подпроекции насекомых, где каждый нижний подчиняющийся слой более многочислен, нежели более высокий слой управления, который является в свою очередь подчинённым слоем для ещё более высокого - и так далее. И этих слоёв - кластеров - может быть гораздо-гораздо больше, чем возможно было разместить на одном-единственном холсте. Элементы - носители индивидуальных сознаний, находящиеся по отношению друг к другу на одном слое, не подчиняются и не зависят друг от друга, а полностью равнозначны между собой.

Что же до принципа выстраивания и формирования иерархии, то он достаточно прост - слой тем выше и малочисленнее, чем более высоким уровнем развития сознания обладают принадлежащие этому слою насекомые, равносонательные друг другу. Этот перманентно распространяющийся на все сферы нашей жизни справедливый принцип подчинения низших форм сознания более высшим мы закономерно переносим и на Землю в отношении людей, как я уже

говорил. И, прошу заметить, что этот общежучий закон - один из основополагающих столпов существования и построения всей нашей цивилизации.

Также Ерун пытался приобщить свой образ выражения творческой мысли к городской культуре и стать понятнее любому городскому жителю, поэтому вторым, более конкретным и обыденным значением изображения полукругло-завёрнутого здания был намёк на здание его художественные лаборатории, где он в те времена с завидной регулярностью создавал всё новые и новые свои художественные произведения изобразительного искусства. Про значение изображения человека с перевернутым фильтром на голове я уже рассказал почти всё, что только смог бы тебе рассказать в рамках предпринятого тобой короткого интервью: в конечном итоге, учитывая все его управляюще-воспринимающие антеннки-усики, слив этой воронки символизирует ничто иное, как путь к великому коллективному планетарному разуму таких вот, как я.

Извлекая глупость из разнообразных сторон человеческой жизни, мы прививаем целым странам мудрость почти бесконечного для людей синтетического опыта нашей культуры, ведь недаром же народ, искусственно сделанный нами культурным преемником инсектоидов, необратимо могущественно и глубоко пропитал этой эклектичной квинтэссенцией метаперцептивных фактов и умозклучений собственное сознание масс, точно на яблоневою ветку древнего первобытного разума людей была привита другая маленькая веточка из групп совершенно других, мухожучьих яблок, несущая иные сочные, хоть и порою горькие плоды во благо и во изменение всех человеческих существ на планете. Мы всем своим общим иерархическим разумом стремились увеличить отдачу, мы торопились, хотя и располагали почти безграничным с человеческой точки зрения временем жизни, всё разгоняя и разгоняя увеличивающийся пульс перетекания эпох во всё более и более совершенные формы организационных проявления, знаменующих результирующими плодами всей нашей деятельности ту самую вершину, к которой насекомые, как самые усердные альпинисты, неустанно и не останавливаясь ни на миг карабкаются до сей поры.

Если присмотреться к культуре человека, да и к человеку в частности, которому делают подобный контрольный срез культуры в форме тестирования, то любой человек весьма явственно начинает соотноситься в своём видении мира с контурами жука, тогда как верхняя часть его потоков вполне человеческая. Ну да это, по-моему, очевидно, ведь каждый человек и сам может проверить себя на

мухожучность. Может, но, как правило, не хочет - а это уже совершенно другое дело, ведь засевавшая в каждом человеке его личная форма насекомого всячески сопротивляется собственному обнаружению. Операция эволюционного переноса сознаний и засева поля нежизнеспособных человеческих плевел зёрнами нашей насекомой безупречности стала для нас главным достижением за всю историю нашего существования и глобальным символом алхимической трансмутации человеческой культуры, так ничего и не превнёсшей обратными восходящими потоками в нашу культуру - и в самом деле, к чему нам их устаревшие технологии и хлипкие умы. Зато насекомое достижение сплавления культуры людей с нашей навеки стало великим символом вечной дружбы этих двух ничем не похожих друг на друга рас, сочетания несочетаемых народов, обладающих принципиально различными и нестыкуемыми между собой формами космического разума, которые нам всё же удалось соединить, преодолев, казалось бы, незыблемые законы природы.

На деле, то были не истинные, но ложные законы, которые столько тысячелетий нашей жизни лишь вводили инсектоидов во всевозможные пертурбации плутающих троп заблуждающихся проявлений наших окончательно запутавшихся умов, чей гордиев узел оказалось не столь уж легко развязать. Зато, в конце-концов, его удалось разрубить, последовав по стопам великого человеческого полководца - тот редкий случай, когда хоть что-то из человеческой истории пригодилось нам, существам с других планет и, по сути, даже из других измерений. И если бы человечество узнало, сколько мы всего сделали для людей, сколько потратили усилий и долгих лет наших жизней, то оно, я и не сомневаюсь, было бы бесконечно благодарно мухожукам до скончания времён. Но к сожалению, а быть может, и к счастью, люди о нас почти ничего не знают, а те же древние сведения, что ещё сохранились у первобытных племён, поклоняющихся нам, настолько мифологизированы и искажены вымыслами и домыслами, что, даю лапу на отсечение, ты не отыщешь там и крупницы истины, мой дорогой племянник.

И, кстати, возвращаясь к картине, именно хитиновую защиту в качестве броневой пластины и демонстрирует ещё один изображённый на старинном полотне символ жука, лежащего на голове одного из изображённых здесь людей. Тот факт, что жук представлен в виде книги, ничего на деле не меняет. Книга находится сверху - нед местом размещения у людей нервного узла, который они зачем-то называют мозгом, и в переносном смысле обозначает покровительство насекомых

над людьми, ведь жук засел как раз на месте головы, и из головы же идёт управление человеком самим собой. Следовательно, здесь возникает закономерный вопрос: а человек ли управляет самим собой в действительности. Ответ на этот вопрос пусть ищет каждый из людей внутри себя самого, прислушиваясь к возникающим у него собственным глубинным ощущениям, предчувствиям и проблескам осознаний того рода, что невозможно выразить на семантически неполноценных человеческих языках, а лишь возможно передать друг другу посредством коллективной ступенчатой, как Вавилонская башня, телепатии, единственными носителями которой во Вселенной являются насекомые. Тот факт, что у человека возникают чувства, использовать которые на практике способны только мухожуки, наверное, способен сказать людям кое о чём, намекнуть им кое на что. Ну да ладно.

В корзине у человека на изображённом мною средневековом полотне так же присутствует символически-абстрактное насекомое, закодированные указующими на него потоками игры светотеней, льющимися из явственно инсектоидоморфных по своей форме ярко-ярких грозовых туч на небе за высящейся спиралью башни. Причём насекомое это твердо снаружи ровно настолько же, насколько мягко изнутри - вот главная идея и девиз нашего жизненного равновесия, выраженная в рассматриваемом произведении. Острроверхие пики многоэтажных построек на фоне башни-лаборатории завершают общесмысловую композицию, имея выраженное внешнее сходство с термитниками как идеалом государственного и общесоциального централизованного управления насекомым населением.

Никто, конечно, не спорит, что люди увидели в моих картинах какой-то свой особенный символизм, характерный и понятный только для общества того времени, а художник, которого я тогда представлял и популяризировал и который был обратной кажущейся стороной моей личности, действительно получил славу и широкую известность. В конечном итоге он взял себе псевдоним, более благозвучный и запоминающийся, чем выбанное изначально человеческое имя. Как раз под этим псевдонимом люди его и знают по сей день. Но всё же если взглядеться в любую его картину - элемент его экспериментальной игры над разумом человеческих масс, то в них обязательно можно заметить скользкую потустороннюю жилку, этакий внеземной отблеск особого рода насекомости, понятного для очевидности лишь нам - и никому другому в этом мире. Я жалею в своей жизни лишь об одном: что люди так до сих пор и не сумели сполна принять и познать всё то,

что я хотел донести до них несколько веков назад. Мои картины развешаны сейчас по музеям мира и распределены по частным коллекциям под взятым мною тогда псевдонимом - громогласный Иероним Босх вместо не столь звучного Ерун Антонисон ван Акен.”

С этими словами дядюшка Фугенбрухус закончил свою речь, по-видимому, слегка подустав от моего интервью, взял в передние лапы газету, расправил свои серовато-блестящие плёнчатые в крапинку крылышки, и мы вместе с ним радостью улетели на опыление цветов. Мы ведь с ним жуки - дядюшка и его племянник. Мухожуки.

*Белусов Роман,
21 мая 2013 года*